

Рафаэль Мухамадеев

Ловушка для Дюпюитрена

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2595255

Ловушка для Дюпюитрена: Литагент «Издатель Книгу»; 2011

ISBN 978-1-4658-9090-0

Аннотация

Пародийная авантюрно-приключенческая повесть-комикс от венеролога и его друга-художника в стиле «экшн» с легким черным юмором и грубыми эротическими перверсиями.

Стародавняя история человеческого любопытства началась, когда созрел запретный плод, и наша общая прабабушка вкусила его сладость. Она и передала надкушенный плод по наследству в той или иной степени каждому из нас. Из этой истории вы узнаете, что происходит порой с любопытными Пиноккио, сующими свой нос не в свое дело, где далеко не каждому суждено добыть золотой ключик.

Непринужденный стиль повествования, дилетантское владение интригой, поверхностное знание медицины и неверие в окончательную победу Зла – всё это делает повесть-комикс интересной и захватывающей для вульгарных людей (от лат. *vulgaris* – обычный). То есть для нас с вами.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

53

Рафаэль Мухамадеев

Ловушка для Дюпюитрена

Amico lectori!

Другу-читателю (посвящается, адресуется)!
Традиционная формула, с которой автор начинает свое предисловие к книге.

Если кто узнал себя по имени, маме и бате, адресу или какому-нибудь органу – не обижайтесь. Я не со зла, само вышло.

Ad usum populi! – для пользования народа (для толпы). Увлекательная литература невысокого художественного уровня, выпускаемая в расчете на массового читателя с целью развлечь и занять его.

Проскрипел Ваш покорный homo scriptor (человек пишущий) Rafael, a pinxit (нарисовал) Paul.

Пользуйтесь на доброе (половое) здоровье!

*В зависимости от восприятия читателя книги
имеют свою судьбу.*

Теренций Мавер

В пасмурный осенний день возле одной из свежевырытых могил на Южном городском кладбище толпились люди. Многие плакали и сморкались, наблюдая за погребальной церемонией. Из праздного любопытства, желая узнать, кто же ещё составил соседство недавно умершей жены, Зевакин подошел к ним поближе.

Худошавая женщина в черной одежде, с траурным выражением лица, нервно терзая носовой платок, произносила прощальную речь:

– В заключение хотелось бы добавить, что наш дорогой папа был человеком, прожившим очень долгую, полноценную, насыщенную событиями и впечатлениями жизнь. Вел здоровый образ жизни. Очень ценил юмор. Навещая его, мы неизменно спрашивались о состоянии его физического и душевного здоровья. Предлагали даже поместить в диспансер. Психоневрологический. Ненадолго. На обследование и лечение. Просили побережь себя, поменять образ жизни, навещать почаще врачей, завершить все недоделанные дела. На что он привычно отшучивался:

– Не дождетесь!

Она чуть склонила голову набок, видимо, вспоминая дорогого ей человека, и продолжила:

– К сожалению, он чуть-чуть не дотянул до своего юби-

лея, подавившись собственным галстуком и запутавшись в электрических проводах, когда так неосторожно и неловко выпрыгнул из окна.

Наверное, испугался супруга очередной любовницы. Говорят, он часто покидал своих подруг таким образом, – она подозрительно покосилась на окружающих женщин, – что, наверное, только глубокий склероз головного мозга и старческая немощь не позволили ему вспомнить, что прыгает с третьего этажа гостиницы.

Зевакин растрогался, покачал головой и шмыгнул носом, представив себе эту жуткую картину.

– В результате – эта нелепая, преждевременная смерть, последовавшая, – она продемонстрировала присутствующим людям врачебное заключение, – «в результате множественных ударов о тупые предметы». Вот. Смотрите!

В толпе усилились всхлипывания и стоны.

– Его кончина острым жалом пронзает наши сердца! Какие-то глупые тупые предметы, – она с негодующим видом сунула врачебное заключение в искусанные руки стоявшего поодаль детины с забинтованным глазом, – оборвали крепкую нить его долгой и славной жизни!

Она высморкалась в платочек и скосила глаза на тезисы прощальной речи. В окружающей толпе, состоящей в основном из женщин разного возраста, вновь слышались причитания, вздохи и перешептывания. Зевакин обратил внимание на зрелую пышную красоту небольшой группы женщин, державшихся поодаль от остальных скучающих родственников, которые явно тяготились затянувшимися формальными обязанностями и желали поскорее удалиться с кладбища.

– Он был ярким человеком, легко увлекающимся, даже чересчур, стремившимся познать все новое. И новых!

В конце жизни... Это в его-то годы?! Ни с того ни с сего он вдруг увлекся спортом! После достижения 60-летнего возраста его постоянно преследовали нелепые травмы, нападения каких-то собак и хулиганов. Как будто кто-то там, наверху, поставил себе целью поскорее свести его, – она ткнула указательным пальцем, – в эту могилу!

В сером небе вдруг прогрехотал гром.

Женщина поднесла платочек к глазам, и, как по команде, все взвыли. Даже скорбящий детина предпринял попытку

прикрыть перебинтованное лицо врачебным заключением.

– Вы помните, что когда он начал тренироваться, – повысила она голос, – в любую погоду, в любое время суток он всегда ходил с кожаным саквояжем, наполненным кирпичами. Якобы для повышения физического тонуса. Тренируя мышцы шеи, стал вертеть головой в разные стороны, постоянно с тревожным видом, как пилот истребителя, оглядывался назад.

Вот тогда, заметив эти странности, мы в первый раз пригласили к нему на дом выездную бригаду из психиатрической лечебницы, считая, что он уже не отвечает за свои действия.

Разве нормальный разумный человек так поступает? – громко обратилась она за поддержкой к окружающим. – А потому все составленные им документы, не заверенные нотариусом, можно считать недействительными.

Но, как говорится, все в руках божьих, – продолжила она. – Однажды, эти дурацкие кирпичи спасли-таки ему жизнь!

Вооруженный молотком грабитель едва-едва, с огромным трудом, несмотря на молодость, – она отстранилась от соседа, – унес от отца свои кривые нерасторопные ноги. Пострадали даже окна жителей, которые были разбиты кирпичами во время нападения. Ну а жильцы, услышав, наконец, сквозь разбитые стекла крики грабителя о помощи, вызвали очень несвоевременно милицию.

Вот какой был наш геройский папаша!

Зевакин, с возрастающим интересом слушавший эту прощальную речь, старался не пропустить ни слова. Всё больше проникался уважением к такому незаурядному человеку. И, подходя все ближе, наконец, сам стал активным соучастником погребальной церемонии. Сочувственно кивал головой в подходящих случаю моментах, шмыгая, вытирал покрасневшие глаза и нос рукавами. И, в конце концов, начал поддерживать одну из женщин под локоток и нашептывать ей слова утешения.

Дочь заглянула в шпаргалку, переходя к заключительной части выступления:

– Его несокрушимое стальное здоровье позволило не только пережить двух жен, к нашему великому сожалению, но и буквально перед кончиной зачем-то жениться в очередной раз! Даже не поставив нас в известность! Мы бы, его дети, конечно, нашли способы воспрепятствовать этому. Как же он так поступил?! Не подумал о последствиях. Взвалил на себя такую ношу. Такой грех совершил! О нас не подумал! Так жаль! Но ничего, как говорится, – пронзила она воздух пальцем, – бог все видит!

В подтверждение этих слов наверху вновь прохохотал гром.

– Что давно должно было произойти, то наконец-то, как говорится, и случилось! Был конь, да уездился! За что боролся, на то и напоролся!

Только посмотрите вокруг! Как много у него осталось наследников, которые тоже искренне, наверное, как и мы, скорбят о его безвременной кончине.

А ведь мы его не раз предупреждали!

Только-только, когда он уверил нас, что все-таки сходил к нотариусу и составил правильное завещание, за исполнением которого мы, его дети, обязательно проследим – как тут его, к сожалению, и настигла эта безвременная и незаслуженная кара!

Присутствующие внимательно и подозрительно начали коситься друг на друга. Многозначительно и таинственно переглядывались, вытягивая шеи. Было очевидно, что многие встретились впервые.

Зевакин вдруг почувствовал неприятный холодок, заметив на себе тяжелый изучающий взгляд одноглазого мордоворота. Чтобы показать свою незаинтересованность в происходящем, он отпустил локоть поддерживаемой им женщины и приклеился к соседке с другой стороны, чем вызвал ещё большую подозрительность родственника.

«Почему он так подозрительно на меня смотрит? А?! Наверное, – догадался он, – эта женщина – тоже наследница усопшего». Та, почувствовав дружескую поддержку, благодарно ухватила за его руку и, тихонько всхлипывая, доверчиво прильнула к плечу. «Так! Кажется, встрял не в свое дело», – подумал Зевакин, принимая горестный вид для отвода глаз и начал продумывать возможные пути отхода.

– Мы будем долго тебя помнить и поминать... Нет, не лихом! А добрым словом, дорогой папа! – завершилась, наконец, прощальная речь его дочери.

– Кто из присутствующих ещё желает попрощаться с нашим, – подчеркнула она, – папочкой, пожалуйста, подходите и быстрее прощайтесь!

А то, кажется, дождь собирается, – посмотрела она на потускневшее небо. – Может, нам больше никогда не придется встретиться вместе.

– ...кроме как в зале суда! – ни к селу, ни к городу вдруг пробасил ее спутник.

– Колям! – сверкнула она на него свирепым взглядом и поправила: – Кроме как у юриста! Может быть?! Через шесть месяцев, – добавила она, – когда законные наследники получат право вступить в наследство!

– Скажите, скажите хоть вы! – вдруг горячо зашептали на ухо Зевакину женщины. – Это же Томкины дети от ее первого брака! Они Юрочке даже не родные, приемные. Только спят и видят, как поскорее вступить в права наследства. Скажите доброе слово! Ведь вы же ближайший друг нашего Юрочки! – увещевали они его.

– Я?! – искренне изумился Зевакин. «В гробу я увидел вашего Юрочку первый раз в жизни!» – подумал он.

– Да, да! Он столько нам о вас рассказывал. Мы все-все про вас знаем! Даже про ваши студенческие шалости и похождения в юности.

И о сексе с длинноногой моделью в инвалидском «Запорожце». Когда ей пришлось ноги в окна высовывать. Ну, тогда в колхозе «Слава Салавата»! И про то, как вы порвали резиновую лодку с девчатами на середине Павловского водохранилища. Когда все вместе резвились! Хи– хи! И про то, как прятали под собой подругу на лужайке от не-скромных взглядов пролетающих над вами парашютистов.

А ее муж-«афганец», боевой капитан, как раз прыжками этих курсантов руководил.

– Да не я это! – отбивался пораженный такими подробностями Зевакин. Безуспешно пытаюсь вспомнить, когда это могло с ним случиться. – Наверное, это с ним самим и произошло!? – догадался он. – Вы же сами говорите, каким он был Казановой!

После того, как меня жена покинула, я это дело только по телевизору смотрю! – он вздохнул. – Да и то редко. Много ли на Северах насмотришься? Одни льды кругом и иногда белые медведи. Холодно!

– Просим! Просим! – дружно приступила к нему женская партия, восторженно глядя на друга юности обожаемого ими человека.

– Ну что можно сказать, – начал он, поддавшись уговорам, – о нашем общем друге, родственнике, супруге?! Тяжело это! – вздохнул, выдерживая паузу. – Очень. Прямо слов не нахожу! – горестно поник головой, как завядший без во-

ды цветов. – Что сказать и не знаю. Первый раз его вижу в гробу! – правдиво признался он окружающим.

– Всем известно, как тяжело терять близких людей.

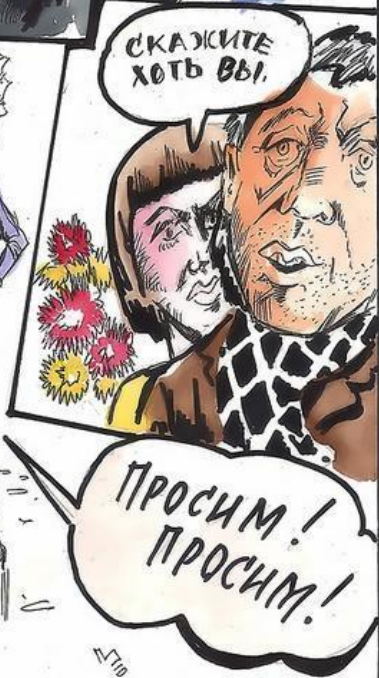
У меня самого такое состояние было, когда моя жена после стольких лет совместной жизни, без видимой причины к другому мужчине ушла, – незаметно для себя переключился он на болезную тему. – Я сам не свой тогда ходил. Переживал. Одиноко так стало, холодно! Вот здесь! – постучал в области сердца.

– Как будто своими руками, – энергично потряс он кистями, – похоронил! Но ничего! – шмыгнул носом. – Потихоньку привык. И вы привыкнете! – уверенно пообещал Зевакин в императивном тоне, блестяще проявляя свое ораторское мастерство.

Многие, не сдерживая слез, зарыдали в голос, по-видимому, не представляя, как можно к этому привыкнуть.

– А это что за одуванчик рядом со старыми кошелками? – вполголоса поинтересовалась дочь усопшего у своего звероподобного родственника. – Я же просила минимум огласки. Чтобы никто не знал о его похоронах. Пришли. Закопали. Ушли. Все!

Гляди! Тут же полгорода собралось! – попрекнула она. – Как на Первомайской демонстрации. Кричат, волнуются. Откуда они узнали?

– Так это... Земля слухом полнится, – оправдываясь, иерихонской трубой прогудел Колям. – Сарафанное радио летит быстрее Интернета! – проявил он неожиданную для своего внешнего вида осведомленность.

– Вишь, сколько бабочек налетело. Плачут. Переживают!

– Ты у меня смотри! Чтобы ни гу-гу! Если что всплывет, урою и рядом положу! И так все шепчутся. Наверное, чуют что-то! Подозревают.

Значит так! Всех сфотографируй, якобы прощальное фото делаешь. На память. Запомни! Выясни, кто и что? Одним дадим отступного, других припугнешь, третьих, в конце концов, сам знаешь!

Но без меня ни шагу! Не так как в прошлый раз! Самодельность устроил! Школьную!

Это же надо такое удумать? В рот еще живому человеку галстук запихать! – она промокнула платочком уголки глаз.

– Так он это, отбивался же еще! Кусался! Вот, посмотри! – виновато начал оправдываться Колям. – Пинался! – пожаловался он, ожидая встречного сочувствия, словно детсадовец у строгой воспитательницы. – Сама попробовала бы! Мы и так втроем еле управились!

Балда Димон до сих пор в больнице на ладан дышит. А он

его на дух не переносит. Плохая, говорит, примета – ладан нюхать! Ничего, может, еще оклемается.

Саяпу ухо еле пришили в ветеринарной лечебнице рядом с похоронным ателье «У последнего приюта», – жалуясь по-детски, перечислял он понесенные санитарные потери. – Я и сам чудом жив остался. Аллаху акбар! До сих пор удивляюсь! Чуть наследства не лишился и одного глаза! Вот, полюбуйся, что он натворил! – приподнял рукой краешек марлевой повязки с глаза.

От увиденной картины поражения сестра в ужасе вскрикнула и отшатнулась от страстотерпца, зажав рукою рот.

– Зато сейчас можно глаз не зажмуривать, когда из пистолета стреляешь, – нашел он выгоду в произошедшем, – долго еще не заживет!

– На что нам твое наследство? Папашино надо не упустить! – змеей прошипела собеседница. – А почему Саяпу ухо ветеринары шили, а не врачи?

– Уж больно истерзано было! В хлам истрепано! Мы им сказали, что его бешеная собака покусала! И нет вопросов. Хе-хе! Теперь Саяпу профилактику от бешенства будут делать! А он уколов до смерти боится! Ха-ха!

А-то врачи сообщили бы, куда следует, – пояснил он. – Что мы, первый раз что ли, не знаем?

– Первый, не первый, но сработали плохо. Из рук вон! Потихому надо было. Я же учила! «Левитрой» надо было угодить или «Виагрой». И все – «сладкая смерть» на очередной

бабенке! Нет вопросов. Перестарался. Сам виноват!

– Ага! Как же не угощали? Угощали. По твоему наущению. Пока ты в пещерах Нового Афона шхерила, – упрекнул подельницу. – Он на них подсел. Наверное, уже жизни без них не представлял. Половой! Прямо как конь стал с наших таблеток. Жеребец-иноходец! На старости лет. Оглянись, какой табун прибежал его в последний путь провожать.

Во, симпатичненькие есть, – с мужским интересом начал оглядываться по сторонам Колям здоровым глазом. – Молоденькие. Ничего себе?! – удивленно покачал сросшейся с шеей головой.

Наверное, прошлых жен так и загнал. Ух! Синяя борода! И нашу маму тоже! – вдруг растроганно всхлипнул Колям по-взаправдашнему, представив в красках, по-видимому, как это происходило.

– Ну-ну, держись! Крепись! – похлопала сестра маленькой ладошкой по его человекоподобной руке. – Пустое место святым не бывает! Такова наша женская доля, – горестно поднесла к носу платочек, растроганная какими-то собственными воспоминаниями. – Мать знала, на что идет. Представляла всю грозящую ей опасность.

Поэтому и заставила его оформить брак законным образом. Все рассчитала, но вот, видишь, сердце не выдержало. Надорвалась!

Это она мне и рассказала перед смертью про подпольного Корейко!

– Какая корейка? – прогудел братец. – Из Кореи?

– Ай! – раздраженная его непонятливостью сестра махнула рукой. – Классиков читать надо! Хотя бы после вечерней школы. Ильфа Петрова.

Значит так. Своим скажи из тех, кто еще живой остался, пусть аккуратно проследят за этим зевакой. Подозрительный какой-то. Узнай, кто он и откуда? Первый раз его вижу.

А лучше сам за ним потихоньку пройди! Не из ментовки ли, с улицы Ленина, дом семь.

Пощупай бабешек, в прямом смысле! Имеются ли у них какие-нибудь бумаги, документы, свидетельства, письма? Выкупи или выкради!

Потом по намеченному плану сходим в нотариальную контору «Стряпчий», проконсультируемся. Есть у меня там знакомый человечек. Поможет с оформлением. Обстряпает дельце. Без лишних проволочек.

И, слушай, давай поскорее закругляться с этой комедией! Прямо как в Русском драмтеатре имени Мажита Гафури. Что они тут плач Персефоны устроили?

– Пир кого?

– Кого, кого? – передразнила она. – Пир сифона!

– А!

* * *

– Господин Зевакин? – подошел к нему незнакомый муж-

чина с двумя сопровождающими тонтон-макутами в темных солнцезащитных очках. Бесцеремонно взял его за плечо и отвел в сторону от окружающих людей. Мамонтоподобные тонтон-макуты, гулко притаптывая землю, последовали за ними, внимательно прикрывая все сектора обзора.

– А в чем, собственно, дело? Откуда вы меня знаете? – испуганно шарахнулся оратор.

– Не волнуйтесь! Мы из службы безопасности закрытого акционерного общества «Ценнейшие бумаги». Я – Бесшаров, начальник этой службы, – на секунду он снял очки-хамелеоны, сдул невидимую пылинку и снова водрузил на нос. – Мы все знаем!

– А я при чем? Какое отношение.

– Видите ли, это не уличный разговор. Тем более, не на кладбище. Это серьезно! Вот моя визитная карточка. Приходите сегодня после похорон в наш офис. Поговорим.

У нас имеются сведения, что вы связаны с усопшим господином Левинским, – обозначил он тему предстоящей беседы и махнул рукой в сторону погребальной процессии.

– Ничего не связан, – оправдываясь, забормотал Зевакин, – ей-богу, не связан! Я его сегодня первый раз увидел, – оглянувшись, чистосердечно поделился он своим секретом. – Клянусь!

Я только пришел провести могилку своей жены. Вот эту! – указал он. – Я и себе местечко рядом прикупил. Если потом не обманут после смерти! Анвар, директор кладбища,

пообещал. Уже и задаток взял. На будущее!

Смотрю, рядом хоронят кого-то. Ну и подошел поздороваться-познакомиться. Я сейчас уйду! – с опаской покосился на холмы тонтон-макутов, молчаливо тренирующих жвачкой желваки мышц на щеках.

– Господин Левинский был членом правления не только нашей компании. Но и весьма уважаемым человеком. в определенных кругах! Кроме того, он входил в состав директоров еще нескольких фирм. Очень крупных групп компаний. С мировым именем! Но об этом мало кто знал. Вы все еще не догадались, почему его хоронят рядом с вашей бывшей женой?

– Наверное, место рядом было? – торопливо высказал первое пришедшее в голову предположение собеседник.

– А!? – ахнул он от внезапной догадки. – Мое место занял?!

– Наивный вы человек, Зевакин!

Наверное, господин Левинский искренне полюбил свою очередную жену. Можно сказать последнюю любовь. Да. Как там у Тютчева?

«О, как на склоне наших лет
Нежней мы любим и суеверней.
Сияй, сияй, прощальный свет
Любви последней, зари вечерней!», —

приятным баритоном с чувством продекламировал любии-

тель поэзии. Приподнял темные очки, прикоснулся кончиком указательного пальца к внутреннему уголку глаза, удерживая непрошенную слезу, подышал носом и продолжил, – дальше не помню!

Он завещал в случае смерти похоронить себя с ней рядом.

– А!? Подождите, подождите! – наконец, до пораженного известием Зевакина начал доходить истинный смысл. – Вы хотите сказать, что моя святая Оксана, когда узнала о своей неизлечимой болезни ушла от меня к этому пройдохе? Из уважаемых кругов? С мировым именем! Подлому, мерзкому старику?! К этому, – возмущенно засопел он, – к этому, – не находя подходящих слов, – к этому троеженцу! Лысому импотенту, ссущемуся в штаны?!

Это же место обещали мне! – вдруг выкрикнул фальцетом в отчаянии от такой явной несправедливости Зевакин. – На его месте должен был быть похоронен я! Что же это делается? Нет, вы только посмотрите. Везде пролезут! Без очереди!

Да я сейчас гроб открою, – пообещал он, – и задушу его у всех на глазах! Вот этими руками! – показал, как именно будет душить покойного.

– Ну-ну! Успокойтесь!

У нас есть и более приятные для вас известия. Значительную долю акций он перевел на свою жену, Оксану Григорьевну Зевакину. Которая, кстати, после заключения брака с господином Левинским не пожелала поменять свою прежнюю фамилию. Не догадываетесь почему?

Весьма значительную долю акций! – со значением подчеркнул он.

– Почему? – бессмысленно переспросил Зевакин. – А я тут причем?

– Потому что, к счастью для вас, по составленному завещанию ее законным наследником первой очереди являетесь именно вы!

А это кое-кому очень не нравится! Из высоких кругов. Очень!

Вижу, вы человек хороший, – ободряюще похлопал Бесшаров по его плечу. – Правильный. Практически не испорченный жизнью. У вас еще все впереди. Может быть.

Советую только из личной к вам симпатии поскорее написать отказ от своей доли.

Мы вас с нетерпением будем ждать. Сегодня же! Если мы не встретимся в ближайшие часы, то поймем, что вы отказываетесь от нашего выгодного предложения, и боюсь, последствия могут быть печальными. Очень! – скорбно глядя в осенние небеса, покачал головой Бесшаров.

– Мы, в свою очередь, обязуемся возместить ваши труды и некоторые необременительные хлопоты. Обдумайте и приходите.

И прошу вас никому ни слова! Silentium!¹ Вы недавно обмолвились, что Анвар уже взял задаток?

---

¹ Молчание.

Напуганный, оглушенный услышанным, ослепленный праведным гневом, Зевакин едва не прозевал призыва распорядителя похорон бросить землю в могилу. Расталкивая окружающих, он схватил двумя руками огромный ком земли, натужившись, приподнял и первым обрушил на крышку гроба.

В гробовой тишине раздался гулкий гром, многократным эхом отозвавшийся в небесах.

– Как переживает! – сочувственно зашептались окружающие и, чтобы не выглядеть хуже, последовали его примеру.

Удивленные члены похоронной команды впервые в жизни наблюдали, как быстро заполняется могила. Особенно усердствовали Зевакин и Колям. Мотивы их поведения были различны и известны только им самим.

– Оттащите их, наконец! Что ж они так сердце надрывают! Вокруг стоял глухой вой.

Зевакина уводили под руки, призывая не убиваться так на могиле лучшего друга. Утешали обещаниями, что совсем вскоре они вновь повстречаются для совместной загробной жизни. Слова утешения вызывали бурный обратный эффект. Он вырывался из цепких рук, бессвязно выкрикивал что-то, хватал по дороге камни и, оборачиваясь, прицельно и метко бросал их в сторону могилы.

Раненые могильщики с трудом уворачивались от града непрерывно падающих снарядов. Вытирая кровь и слезы, громко матерились и умоляли отвести берсерка на недостижимую позицию.

Рыдающие женщины, бывшие подруги усопшего, восхищенно глядели на боевые действия и перешептывались:

– Вот это настоящий друг! Такой же неистовый, как Юрочка! Чем-то даже на него похож. Только помоложе. Вы, случайно, не знаете его номер телефона? Надо будет обязательно позвонить, выразить ему признательность.

Удаляясь с кладбища, Зевакин спиной почувствовал в левой подлопаточной области чей-то неотступно сверлящий взгляд. Резко обернулся, но ничего подозрительного не заметил. Еще раз!

Сверху капнуло. Прямо на плечо. Он взглянул вверх на беременное дождем небо и заметил сидящую на дереве ворону, с любопытством наблюдающую за ним блестящими черными глазами.

«Дерьмо! – подумал он. – Вот, сидит, наблюдает. Каркает! Фу, как пахнет!» – перевел взгляд на свое пострадавшее плечо и отшатнулся от мерзкого бело-зеленого склизкого потека, медленной лавой сплывающего на грудь.

Помянув безвинную мать вороны сочетанием нехороших слов, быстро скинул пиджак от фирмы «Пеплос», смущенно оглянулся по сторонам, не видит ли кто его позора, брезгливо засунул в портфель и стремглав вскочил в подошедший

автобус.

* * *

«В 14.30, наверное, установил факт наблюдения. Быстро переоделся и предпринял попытку скрыться! – отметил в блокноте сидевший в машине и наблюдавший за ним человек. – Первый следует за объектом».

Небо, наконец, разродилось. Пошел сильный дождь.

* * *

– Уходит, сволочь, уходит! – возбужденно прокричал в трубку сотового телефона Колям.

– Не упusti! – гневно приказала собеседница, выслушав отчет. – Вечером ко мне!

* * *

В автобусе было многолюдно. Пахло сырой одеждой. Тонированные стекла быстро изнутри запотевали. Из кабины водителя доносился бодрый крик Корнелюка, требовавшего предъявить билет. Зевакин с трудом втиснулся на среднюю площадку «Нефаза» и обернулся лицом к выходу. Запрыгнувший следом высокий человек атлетического телосложе-

ния с профилем римского легионера сильно толкнул в грудь Зевакина и грубо позвал на выход:

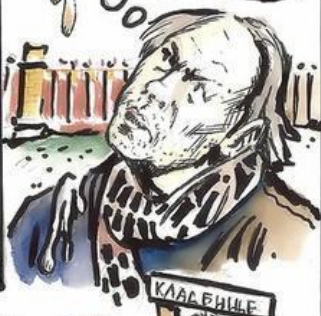
– Иди за мной!

– Зачем? – недоуменно воззрился Зевакин на незнакомца. – Я сейчас куплю билетик!

Тот, придерживая одной рукой двери автобуса, дернул на себя Зевакина и одновременно вдруг сильно топнул по его ступне. Раздался сухой хруст сломанной веточки. Зевакин взвыл от резкой боли, отшатнулся и машинально ударил портфелем по лицу мужчины. Голова незнакомца от неожиданного отпора дернулась и развернулась на улицу. Его захват неожиданно ослаб, а когда он вновь повернулся лицом, на его лбу расцветала большая алая роза. Из центра бутона вдруг вылетел стремительный фонтан крови и моментально оросил окружающих. Мужчина с профилем римского легионера молча завалился навзничь.

ДЕРЬМО!

ПЕРВЫЙ СЛЕДУЕТ
ЗА ОБЪЕКТОМ!

УХОДИТ,
СВОЛОЧЬ!

НЕ УПУСТИ!

Не веря своим глазам, сраженный ужасом, Зевакин посмотрел на дело своих рук и прошептал оправдываясь:

– Это не я. Он первый начал. Сам меня дернул. Вот так.

Стоящие вокруг пассажиры разом закричали и, пугая друг друга еще больше, шарахнулись в разные стороны.

* * *

– Попал! – удовлетворенно выдохнул Колям, увидев падение тела и муравейную суету вокруг него. – Не упустим. От нас не уйдешь!

Посмотрел по сторонам, на остановку, с которой доносились громкие крики паники, убедился, что вылетевшая гильза из пистолета «Беретта» с глушителем находится в черном пластиковом пакете, сквозь который был произведен выстрел, дождался на обочине проезжавший грузовичок с надписью «Почта России» и ловко метнул пакет в кузов. Снял перчатки и, воровато оглядываясь, перебежал на другую сторону дороги.

Из автобуса, как соль из солонки, посыпались люди. Вверху за темными набрякшими тучами мрачно пробурчал гром.

– Товарищ полковник! Товарищ полковник! Докладывает второй! Алло! При попытке задержания первый убит! Объект от нашего наблюдения скрылся! По-видимому, профессионал суперкласса. Недооценили мы его.

– Не может быть! Как?! – полковник резко, как на амбразуру, рванулся грудью на стол. – Мухобой убит?! Да что же это происходит? – в ярости так сильно скрипнул зубами, что несколько выпали на пол. Шепеляво выматерился, покопался во рту, вытащил искусственную челюсть и выкинул в мусорную корзину. Затем залез во внутренний карман кителя, нервно разорвал полиэтиленовую упаковку и достал новую челюсть. Вставил в рот, пожевал губами, подвигал челюстью в разные стороны и хищно клацнул зубами, как волк. За что и получил в управлении такую кличку. *Lupus*. А еще за умение идти по следу противника, словно хищник, ни на минуту не выпуская его из поля зрения.

Немного подумал и отдал приказание:

– Работаем по плану «Розыск»! Закрыть все аэропорты, речные и железнодорожные вокзалы, перекрыть все выезды! Поднять вертолеты! Взять телефон, телеграф, почтамы!

– А почтайт зачем, товарищ полковник? Да и телефоны как у всех отобрать?

– Это из классики! Классиков учить надо! Понял?!

Это я вас проверял, как политзанятия посещаете. Как мои приказания выполняете. На всякий будущий случай. Вдруг когда-никогда потребуется. Ладно, почтайт брать не надо! Пока.

Так. Собрать и обработать все сведения с видеокамер наружного наблюдения в этом квадрате. Подключите космос. Срочно пошлите запросы в Великобританию, Францию, Венесуэлу. Разбудите агентуру.

«Ох, чую, – он приняхался к густому городскому смогу, в котором после дождя появились кислые оттенки влажного силоса, – оттуда, с Запада, пахнет! Фу-у! – брезгливо поморщился. – Опять, наверное, старина Дюпюитрен зашевелился, скотина! Перед саммитом новую игру повел. Ничего, я ему пошевелюсь. Не как он, по-бабски! Поиграем в обратку, потолкаемся! За Мухобоя ответит! Вспомнит меня. Забыл, наверное, как клапаны перекрывают. Это тебе не денежки неправительственным организациям переводить!

Охиренко такого никому не прощает! Загрызу! – он опять крепко стиснул зубы в хищном оскале. – Надо новую партию заказать, – подумал он, глядя на обрывки полиэтилена, – перед такой игрой.

Вот найду твоего агента, поработаю с ним и тебе же верну!

Но уже с новой начинкой».

* * *

Зевакин бежал. Хромая от боли, вскрикивая, весь в крови, он с трудом продирался сквозь испуганную толпу, размахивая для равновесия многострадальным портфелем. Те, кто видел, что он им натворил, верещали от страха при его приближении, усиливая панику. Люди метались в разные стороны, сталкивались, падали. Издалека слышался быстро приближающийся рев сирен звериного стада пожарной охраны, милиции и скорой помощи.

Стайка тинейджеров, привычно сбившись в плотную кучку футбольных фанатов, щелкая фотоаппаратами сотовых телефонов, рыцарской свиньей протаранилась сквозь толпу, проложив просеку из тел пострадавших, как после ледового побоища. Попал под этот каток и Зевакин.

ВЗЯТЬ ТЕЛЕФОН.
ТЕЛЕГРАФ.
ПОЧТАМТ!

Ай!

Ой!

ГДЕ Я,
ЛЮДИ?

Очнулся в больнице с загипсованной ногой и перебинтованным лицом.

– Где я, люди? – прошептал он сухими губами. Никто не откликнулся. Голова гулко гудела чугунным колоколом. В ушах шипел сиплый шепот песка после каждого сокращения сердца.

Снаружи доносилось мерное ритмичное шелестение аппарата искусственной вентиляции легких у соседней кровати. Там лежало чье– то закрытое полностью тело без малейших признаков жизни.

«Больница, – облегченно догадался Зевакин, – хорошо, что не тюрьма. Что же за день сегодня такой, нескладный какой-то.

Как же это я его так неловко огрел! – пожалел погубленного им человека Зевакин. – Ну, наступил мужик случайно на ногу. Так не со зла, наверное? С кем не бывает? Еще с собой позвал. Ему, наверное, выпить не с кем было после кладбища? А я, болван, не удержался и шарахнул его до смерти. Перетерпеть надо было. Как же это я только умудрился? За мочком что ли голову пробил? Или уголком портфеля попал!? Наверное, он в детстве мало каши ел и творога. Лобная кость, как яичная скорлупа, и разлетелась от остеопороза. Стекланный человек под горячую руку попался.

Вот всегда со мной так, – самоуничижительно подумал он. – Однажды комара прихлопнул на голове Оксаны, так

чуть заикой не сделал бедняжку, – вспомнив жену, закрутил Зевакин. – Как же она так поступила со мной? Спуталась с каким-то мафиозником. Из высоких кругов.

А я-то этого гада еще хоронить помогал».

Ему вдруг показалось, что он догадался о возможных мотивах этого непонятного поступка умершей супруги.

«А!? Это же она для меня сделала! Когда узнала, что заболела онкологическим заболеванием.

Меня тогда в длительную командировку неожиданно отправили. В Арктику. На ледокол. Даже разрешение на развод письмом послал. Сам не смог приехать. А она сгорела буквально за несколько месяцев.

Наверное, как всегда, врачи залечили, – нашел он понятное объяснение. – Они у нас во всем виноваты. Развалили страну!

Вспомнились слова из ее прощального письма: «Ты меня позднее поймешь и простишь! Мы с тобой прожили долгую и счастливую жизнь. Но в нищете. Ты, мой дорогой, всегда мечтал о путешествиях, которые мы не могли себе позволить. Я тебя почти наверняка не дождусь. Вот и решилась! Я поступаю нечестно, но это для тебя, мой дорогой и любимый Женечка. Прости, прости!» – Зевакин заплакал.

Через некоторое время в его ушибленном мозгу непрощеной гостьей поселилась меркантильная мысль.

«Подожди-ка, а ведь выходит – я теперь богатый наследник, а?! Можно с работы навсегда уволиться. Весь мир по-

видать!»

Богатое воображение нарисовало Эйфелеву башню, Коллизеум, фонтан де Треви, собор святого Петра, каналы Венеции, Альберобелло, храмы Луксора, величественный Парфенон, Анкор, желтый песок. бразильские ягодицы. тайский массаж.

– О-о, – он сладострастно замычал, медленно просыпаясь от чьих-то легких настойчивых прикосновений к мужскому достоинству. Достоинство, не будь дураком, ответило достойно. С трудом из-за опутывающих лицо бинтов Зевакин в полумраке больничной палаты с изумлением разглядел ухаживающую за ним сноровистую медсестру.

«Вот это сервис! – восхитился он. – Еще не вступил в права наследования, а уже по полной программе получаю!» – А-ах! – застонал он радостно.

Рядом в унисон возбужденно задышал аппарат соседа.

Закончив разминку, медсестра приступила к самоубийству, ловко пронзив себя Зевакинской шпагой.

Сосед задергался конвульсивно. Зевакин тоже:

– Осторожно! Вторую ногу не сломай! – глухо промычал он из-под бинтов.

Воистину, не вовремя сказанное слово ранит сильнее всего.

Испугавшись звуков незнакомого голоса, наездница резко дернулась, прыгивая на скаку на пол. Раздался звук сломанного свежего огурца, и Зевакин дико заорал:

– А! Мама! Сломался! Ах! Ох! Сломала, сука! Я же предупреждал!

– Извините, извините, – оправдываясь, зашептала медсестра, – я перепутала. Не специально! Тише! Тише! Раньше на этом месте койка Умрилова всегда стояла. Он у нас в коме уже давно. Ах, как же я перепутала?

– Сестра, врача! – взмолился бедолага, опущенный с райских высот на грешную землю. – К вам только попади – залечите! – плаксиво пожаловался он, получив наглядное подтверждение недавним мыслям.

– Что за шум? – громко спросил вошедший врач, включая верхний свет в палате. – Опять за старое, Писякина? – не удивившись, потребовал он ответа.

– Безякина я, Григорий Абрамович, – пискнула медсестра, одергивая халатик на крутых бедрах.

– Нимфоманка ты старая! – ворчливо заметил доктор. – Что тебе дежурного персонала не хватает? На хрен ты больных до смерти трахаешь? Забыла уже, как в прошлом году тебя еле-еле отмазали? У тебя же за жопой больше крестов, чем у меня после операций.

Все! Докладную пишу главному.

– Ребята, ребята, – слабеющим голосом воззвал Зевакин, – истекаю, кажется!

– О, очнулся, старичок?! Ну-ка, покажи, что ты в руках прячешь? Ух-х, б-б-б! – ужаснулся он. – Ну, все, Пизяева, конец тебе! Настоящий! На хрен ты ему сломала?

– Безякина я! Не специально, Григорий Абрамович! – зашныкала женщина. – Он сам меня до смерти напугал, чуть не описалась! Прямо на рабочем месте.

Я же думала это вон тот, Умрилов – коматозный, – указала она пальцем на соседнюю койку. – Их местами, наверное, поменяли во время прошлого дежурства, когда много новеньких поступило. Умрилов раньше никогда признаков жизни не подавал, даже глаз не открывал, не то что рот.

А тут, вдруг слышу, орет прямо подо мной! Извивается,

как слоновий хобот! А?! Очнулся, думаю, ожил! Вылечили мы его, наконец! Надо, думаю, на вооружение взять! Ну, я и соскочила! Да вот слишком резко. В противоход попала!

Ха-ха-ха! Рассказать девчонкам, засмеют!

– Расскажи, расскажи! Мы тебе так расскажем! Еще про нас расскажи.

Ты хоть кровь у него на венерические болезни взяла? А вдруг он заразный? Вся больница тогда сляжет. О нас подумала? Лечить же больных некому будет!

Ты вообще, каким местом думаешь, а?

– Ах, – вновь тихо простонал пассивно пострадавший, – спасите! Я не заразный!

– Да не ной ты! Сейчас зашьем. Первый раз что ли?! Так! Готовим операционную, зови анестезиолога, – профессионально стал намечать Григорий Абрамович план мероприятий. – Постой! Куда убегаешь с места преступления? Хотя бы перевяжи травмированного пациента для начала.

Усмехнувшись, он одобрительно покачал головой:

– Как ты это только делаешь Пистяева, а?

Ха-а! Пацанам в бане расскажу, уссутся!

Стой! Сделай инъекцию обезболивающего средства! Все-му учить тебя что ли? *Divinum opus sedare dolorem*, – продекламировал он латинское выражение, назидательно воздев к небу палец. И тут же огласил перевод: – Успокаивать боль божеское дело.

Медсестра торопливо убежала в процедурный кабинет.

– А коечку давай назад перекатим к окошку, – трудился дежурный врач, разговаривая сам с собой. – Сегодня массовое поступление травмированных пациентов идет. На Южном кладбище, говорят, что-то произошло!

Не приведи господь, еще кто-нибудь из наших перепутает!

Эскулапы дружно суетились, занимаясь профессиональными обязанностями. Перевязали, сделали уколы, вскоре куда-то покатали Зевакина. Перед глазами у него все вокруг закрутилось, поплыло в неведомые дали.

* * *

– Женечка! Берегись! – откуда-то сквозь плотный серый туман послышался лебединый клик супруги. – Беги! Беги скорей отсюда! Залечат!

Зевакин хотел бы убежать, но сильная боль в паху сковывала движения. Руки онемели и не слушались. Голова кружилась, предметы перед глазами как-то странно искривлялись, просвечивали насквозь, медленно уплывали из поля зрения.

– На! На! На! Получай, падла! – слышались чьи-то жестокие голоса. Каждое пожелание тут же сопровождалось усилением болевых ощущений в паху. Били свирепо и все время

в одно и то же место. Бах! Бах! Бах!

– За что? – взмолился бедняга, не успевая уклоняться от ударов. – Да что же это такое?

Один и тот же орган может служить источником наслаждения и величайшего страдания.

– Что, поживиться захотел за наш счет? – ядовито произнес женский голос, принадлежавший дочери покойника с Южного кладбища, которая теперь почему-то была в белом халате медсестры. Сильная боль острыми когтями цапнула пораженный орган.

Сквозь застилавший глаза туман Зевакин силился разглядеть всех нападавших. Ужасно болела и кружилась голова. Во рту пересохло. Подступила тошнота.

– Я и не думал, – прошептал он, с трудом перекатывая языком сухой песок пустыни.

– Ха-ха-ха! Он и не думал, – захохотал чей-то незнакомый мужской голос. – А кто свою жену ко мне подослал, а? – и новый импульс сверлящей боли от паха до горла прострелил тело бедняги. – Думаешь, мы не догадались, что она из спецслужбы?! Но ничего, прикрыли меня. Подстраховали.

Давно сваливать надо было! Обязательства, обязательства! Крутили мной, заграничные черти, как блядью. За грешки мои старые в Югославии. В большой игре участвовал.

А я на покой хотел. Не пожил ведь совсем по-человечески. Прятался. Шифровался. Денег – миллионы! А пойдя –

потратить!

– Папаша!?! – удивленно произнесла медсестра. – Ты-то здесь откуда? Ты же из окна выпрыгнул! Сам, заметь! Мы тебя на Южном уже похоронили. Помянули хорошо! Вспрыснули.

– Ха-ха-ха! Рано помянули. Всем стоять! – прикрикнул мужчина. – А тебе лежать! – повелел Зевакину. – Ни с места!

Зевакин с огромным трудом приоткрыл веки и воочию увидел покойника в саване. От испуга прикрыл глаза и попрощался с белым светом. Вновь открыл и рассмотрел, что это давешний врач, но почему-то с пистолетом в руке.

– Поторопились похоронить! Я специально так все устроил, чтобы выяснить, кто же еще за мной травлю устроил. Ходили-топали.

Обложили со всех сторон!

Вот за это и положу сейчас всех вместе! Разучитесь топтать! – зловеще пообещал врач, деловито прикручивая глушитель на дуло огромного пистолета.

* * *

– О-ох! – тяжело вздохнул Зевакин. Сердце бешено трепыхалось под горлом, хреново ныло в паху. Болела нога, подвешенная на вытяжке. Новые непривычные ощущения заставили непроизвольно потянуться рукой к очагу поражения. – М-м, – замычал он от боли, неосторожно прикоснувшись к

забинтованной до самой маковки своей пизанской башни. – Живой! Зашили! – обрадовался. – Ха-ха! – приснилось все! Дьявольское сборище. Врач-убийца с пистолетом, мордоворот со своей змеищей – сестрой милосердия. Даже во сне преследуют! Такие кого хочешь залечат! Ура! Живой!

Он вдруг отчетливо осознал, что пистолет ему, кажется, не привиделся. «Магнум» черного цвета. Страшный в своей правдоподобной реальности от дула до спускового курка.

Мурашки пробежали дружной толпой с макушки до кончиков пальцев и ринулись в разные стороны. Спрятались под кроватью. Покинули его.

Хоть бы не навсегда!

Зевакин медленно-медленно, боясь поверить в действительность и втайне надеясь только на его фантомное присутствие, сфокусировал глаза на испугавший предмет.

Прямо в переносицу смотрела черная глубокая засасывающая пустота дульного среза. За ним царила Вечность.

– Ц-ц-ц-ц! – поцокал языком незнакомый мужчина в каких-то специальных очках и поводил кончиком пистолета из стороны в сторону, словно офтальмолог, проверяющий состояние глазодвигательных мышц. Зевакин, послушным пациентом, выпучив глаза, старательно следил за перемещениями пистолета.

– Тихо! – шепнул чуть слышно владелец пистолета и произнес в сторону, наклонившись к невидимому микрофону на воротнике: – Шеф, я на точке. Приступаю!

У нас проблемы. Сосед объекта очнулся. Да. Тот, что от окна слева. У него легкая степень косоглазия. Да. Легкая. Прошу разрешение также и на его устранение. Может, излечим навсегда?

А-А-А!

Послышался слабый писк, треск помех, сквозь который донесся чей-то металлический голос:

– Не разрешаю! Какая ликвидация? По нашим данным он уже давно «овощ»! Не выходит из комы уже год. Ни бе, ни ме, ни кукареку! Вам бы лишь по убогим пострелять. Не разрешаю! Все! Сверху приказали:

«Раз он не пришел на встречу – срочно устранить!»

Действуем по заранее согласованному плану. Выполнять!

– Воды! – вдруг прохрипел Зевакин, почувствовавший дружное возвращение мурашек.

– Ага! Сейчас-сейчас, потерпи, браток! На, попей, – сердобольный киллер взял с тумбочки стакан воды рукой в перчатке, приподнял голову и напоил его. – Надо же, еще говорят «овощ»? – участливо удивился он. – Тсс! Ты меня не видел, не слышал! Понял, овощ?! – строго поглядел сквозь диковинные очки в заячьи от ужаса глаза больного.

– Да! – вдруг ясно выдохнул Зевакин.

– Ну, то-то! – отошел к соседней кровати. Оттуда послышался негромкий пук, после чего, не оглядываясь, человек скрылся за дверью. Остро запахло порохом и теплой кровью.

С трудом приподнявшись на локте, Зевакин увидел уже знакомый ему, быстро расцветающий бутон смерти на забинтованном лбу соседа.

«Да что же это происходит? Может, это опять сон?

И мне надо радоваться, а не огорчаться. Хреново, конеч-

но, но остался почти живой, лишь чуток переломанный!

Зачем же меня ищут? Неужели только за то, что на встречу не пришел?» Он ахнул и потерял сознание.

* * *

Плотный серый туман уютно окутывал тело Зевакина со всех сторон. Плоть отпустила свои земные тиски. Он чувствовал себя легким воздушным шариком. Рядом летели такие же серебристые шарики разной величины. Вдруг самый близкий шарик произнес голосом любимой жены: – Ну, вот и увиделись!

– Оксана?! Это ты? Как же я тебя сразу не узнал? А где мы, неужели на небесах? Вот значит как здесь. Хорошо, покойно. А кто еще здесь? Ты наших родных и друзей встречала? – заинтересовался любопытный Зевакин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.